

Сибирь

Георгий Марков

СИБИРЬ

Исторический роман

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
М25

Марков, Г.

М25 Сибирь: Роман / Г. Марков. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. – 712 с.

ISBN 978-5-521-74573-9

Исторический роман «Сибирь» известного советского писателя Георгия Маркова открывает сагу о Сибири и сибиряках. Роман посвящён истории открытия и освоения великого края от Уральских гор до Тихого океана. «Сибирь» рассказывает о судьбах сибиряков — охотников и студентов, рабочих и учёных, начиная с 1914 года вплоть до 80-х годов

XX века, когда несмотря на различия в вере, уровне образования или политических убеждениях главным для людей оставалась вера в будущее Сибири с её мощной природой и подземными богатствами, как когда-то сказал Михайло Ломоносов «Российское могущество будет прирастать Сибирью...». В 1976 году роман был удостоен Ленинской премии и в том же году по мотивам произведения был снят шестисерийный исторический сериал «Сибирь». Продолжает роман сагу о семье Строговых двух книг «Строговы» и «Соль земли».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
BIC FA
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

© Текст, Г. М. Марков, наследники, 2021

ISBN 978-5-521-74573-9

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОБЕГ

Глава первая

1

Епифан Криворуков, первый хозяин в Голещихиной, справлял свадьбу сына Никифора. Стояла середина октября. Дул с Оби студень, порывистый, со снежинками в воздухе ветер. По пескам белели ледяные забереги, на полях, насколько хватает глаз, серебрились от инея отава и жнивье. Зима приближалась на рысях, и только плотные кедровые леса, окружавшие Голещихину, сдерживали ее натиск. Небо было белесым, и тучки, бродившие над деревней, в любой миг могли накрыть землю снегом.

Многолюдная криворуковская родня выворачивала всю округу наизнанку. Ни днем, ни ночью не затихали в доме Епифана песни под гармошку, топот плясунов, гиканье Никифоровых дружков. По деревне носились пешие и верхие криворуковские работники, доставляя к свадебному столу то свежую рыбу с обских причалов, то рябчиков и глухарей из тайги, то туеса с медовухой и березовым соком с заимки. Голещихинские псы, всполошенные таким светопреставлением, охватившим деревню, неусыпно брехали, надрывая глотки.

На третий день, в самый разгар свадебного буйства, к голещихинскому берегу пристала лодка с парабельским урядником и пятью стражниками.

Войдя в дом Криворукова, урядник широко распахнул дверь, перекрывая гвалт, от которого вздрагивал потолок, крикнул:

— Велю замолчать!.. Из Нарыма бежал наиважнейший государственный преступник! Приказано поймать его, доставить живым или мертвым! А за поимку — награда! Живо всем одеться — и мужикам и бабам — без разбору!

На мгновение криворуковская компания оцепенела. Сроду такого не случалось: прекращай закус и выпивон и что есть мочи беги по следу неведомого беглеца, будто ты не человек, а, прости господи, кобель какой-то.

Кое-кто из парней начал было артачиться. Но урядник пробрался к самому Епифану, сидевшему в углу под иконами, и что-то прошептал тому в красное рваное ухо с серьгой.

— Нишкни, ребята! — крикнул Епифан. — Велено царевым слугой! Значит — стой, гульба! Все, кто есть тут, на двор и в лес на протоку! Там варнак, деваться ему некуда!

— Страхи страшенные! Раньше-то облавой на зверя хаживали, нонче за человеком гоняться начали, — впервые за три дня громко сказала осмелевшая невеста. Но слова ее бесследно потонули в гуле — густом, напряженном. Казалось, еще миг — и раздадутся напрочь крепкие сосновые стены двухэтажного криворуковского дома, не выдержав всего этого гама.

— Никифор! Никифор! — закричал хозяин дома, обращаясь к сыну. — Налей-ка царевым слугам по стакану водки. Глаз-то вострее будет.

Никифор исполнил приказ отца. Урядник и стражники выпили, закусили стоя, схватив со стола кому что ближе было: кто

отбивную из сохатины, кто кусок пирога с осетром или косача, жаренного в сметане.

Через полчаса, горланя и улюлюкая, пестрая толпа мужиков и баб рассыпалась по берегу протоки. Многие из мужиков держали в руках топоры, вилы, лопаты, пешни, а близкие дружки Никифора, как и сам он, вооружились ружьями. В криворуковском доме их было дополна всяких: двухкурковые центрального боя, одноствольные берданы, капсульные малопульки, самоделки с кованым стволом на крупного зверя. Бабы семенили вслед за мужиками, самые опьяневшие и охальные тоже кричали всякие непотребные слова, потрясая ухватами, сковородниками, колотушками для толчения варева свиньям.

Десятка два мужиков под водительством урядника сели в лодки, переплыли на противоположный берег протоки. В эту артёлку затесался и Никифор со своими друзьями-бражниками. Всем казалось: уж коли беглец в этой местности, то не иначе как быть ему в запроточном лесу. Там в непроходимой чаще не только человеку, коню и то есть где схорониться. Деревенский же берег почти голый, скот на лужайках пасется, туда-сюда снует народ: одни — на луга, другие — на богомолье в парабельскую церковь, третьи — на пристань к складам купца Гребенщикова с орехом, с пушниной, с битой дичью.

Вскоре мужики, переплывшие протоку, построились в цепочку, скрылись в лесу. На этом берегу тоже приняли порядок: по кромке берега шли два стражника, чуть поодаль от них мужики, а еще подальше бабы. В таком порядке прошли с версту — не больше. Потом линия сломалась, многие стали отставать. После изрядного испития спиртного ноги не очень-то слушались. Быстро притомились и некоторые старики. Погоня за беглецом явно была им не по силам. У молодых тоже не было большой охоты лезть в грязь в праздничной обуви,

которая и надевана-то была считанное количество раз: под венец, на обедню в престольный праздник да кой-когда в гости. Но стражники, и в особенности сам Епифан Криворуков, поторапливали всех, непрестанно перекликаясь с той цепью, которая двигалась по залесенному берегу.

— Эгей! Эгей! — кричали с той стороны.

— Эгей! Идем! Идем! — отзывался за всех горластый Епифан.

Деревня с дымками печей, с сытными запахами, с мычанием коров, лаем собак скрылась уже из глаз. «Эгей! Эгей!» — с той стороны доносилось и реже и глуше. Да и Епифан хоть и продолжал шагать, но откликался все неохотнее: видно, надсадил горло.

Один стражник натер ногу, сел у протоки и принялся не спеша разматывать портянки. По всему чувствовалось, что не очень-то он ретивый на службе. Бабы тотчас заметили это и, не будь дурами, тоже остановились, будто по необходимости: перевязать полушалок, подоткнуть юбки, зашнуровать ботинки. В поредевшей цепи шагали теперь по берегу не больше десятка человек. Крайним к протоке шел Епифан со вторым стражником, а самой дальней от берега была Поля — нареченная Никифора, новоявленная сноха Епифана.

Поля шагала с удовольствием. Трехдневное сидение за столами, уставленными едой и питьем, гам, суета утомили ее. Первые супружеские ночи и того больше. Ей хорошо было здесь, на просторе. Студеный ветер, бивший прямо в лицо, освежал разгоряченное лицо, гнал усталость прочь, взбадривал. Поле хотелось идти, идти дальше и дальше, чтоб только не возвращаться в душный криворуковский дом, пропахший потом, табаком, бражной гущей, сивушным дурманом.

Но вот под ногами стали попадаться кочки, поросшие осокой, а впереди, за кустами, блеснула прогнувшаяся полуподковой курейка. Тут, видно, и будет конец погони. Едва ли у кого появится желание огибать курейку, переходить ее вброд. Епифан совсем уж смолк и брел позади стражника, понутив голову, а бабы собрались в кучку и увлеченно о чем-то судачили.

Блеск воды словно прибавил силы. Поля заскользила от куста к кусту, намереваясь скорее добежать до курьи и тут умыться.

Подойдя к берегу, она кинулась в одно место, в другое, но всюду было топко. В ста шагах от нее берег круто вздымался, переходя в яр. Его нижняя кромка, омываемая водой, была плотной, усыпанной красноватым песком. Поля заспешила, уверенная, что тропка, заросшая густым подорожником, приведет ее к спуску. И в самом деле: через двести — триста шагов тропка, изгибаясь вокруг огромных осокорей, побежала под уклон. До воды оставалось всего три шага, когда Поля увидела человека, приткнувшегося на обласке к яру, под нависшие с его кромки густые ветки ивы.

Поля вздрогнула от испуга, не зная, что делать: закричать ли во всю мочь или опрометью кинуться назад.

— Здравствуй, девушка! — вдруг услышала она спокойный голос человека. И это спокойствие остановило ее. Поля испуганно повела на человека глазами, в один миг приметив, что и сам он и напуган, и напряжен до предела. Грудь сильно вздымалась, из-под шапки-ушанки по вискам стекали струйки пота. Человек был одет, как одеваются рыбаки: полушубок под домотканым кушаком, стеганые брюки, бродни с вывернутыми голенищами. На руках кожаные рукавицы. Но в смуглом лице его, в черной кудрявой бородке, в каком-то нездешнем прищуре темно-коричневых глаз,